

УДК 929.733

РЕАКЦИЯ ВЛАСТЕЙ НА ПОМЕЩИЧЬЕ НАСИЛИЕ В 1840-Е ГОДЫ НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА ПОДПОРУЧИКА А. Ф. МИШАГИНА

Маньков С. А.

*Государственный музей-заповедник «Царское Село»,
г. Пушкин, Российская Федерация
E-mail: mankov21@mail.ru*

Михайлов В. В.

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: batukom@mail.ru*

Широкие властные полномочия, которыми обладали помещики в период крепостного права, нередко приводили к злоупотреблениям и актам взаимного насилия в дворянско-крестьянских взаимоотношениях. Период правления Николая I характеризуется попытками личного вмешательства императора в социальное положение крестьянство и усилением строгостей к помещикам, применявших жестокости при управлении своими имениями. В статье на примере дела подпоручика Алексея Федоровича Мишагина (1817–1862) рассматривается реакция властей Санкт-Петербургской губернии на изуверство в отношении крепостных. В 1840-е гг. печальные факты издевательств и жестокостей к зависимому населению в большинстве случаев не игнорировались, а влекли правовую оценку со стороны губернских властей. Отдельно разбираются факты из биографии представителей рода Мишагиных и опровергаются некоторые мифы, распространенные русским эмигрантом и мемуаристом А.Н. Мишагиным-Скрыдловым.

Ключевые слова: крепостное право, дворянство, крестьянство, самоубийство, насилие, Лужский уезд, Санкт-Петербургская губерния, Тула, Россия в XIX веке.

Помещичье насилие по отношению к зависимым крестьянам и дворовым людям, электоральные конфликты и осуждение крепостничества в прогрессивных слоях российского общества в XVIII–XIX вв. комплексно изучались и анализировались многими поколениями отечественных историков. В тоже время нельзя не признать правоту современных исследователей крепостного права в России, что проблема реакции властей Российской Империи на жалобы владельческих крестьян на своих хозяев остается малоизученной [1, с. 95–96].

Указанная реакция существенно отличалась в различные периоды существования института крепостного права, на тех или иных территориях и в конкретном практическом выражении. Правоприменительная судебная и административная практика имела вариативность тех мер, которые выносились в отношении помещиков, злоупотреблявших господской властью. Это могли быть разъяснительные беседы помещика с предводителем губернского или уездного

дворянства (полицейским чиновником); взятие обязательств использования труда вольнонаемных слуг вместо притесняемых дворовых; отправка помещика на покаяние в монастырь; устранение владельца от управления своим имениями и назначение над ними опеки; в некоторых исключительных случаях – уголовное осуждение и лишение дворянина прав сословного состояния.

Игнорирование народного недовольства несло за собой большую опасность, с одной стороны поощряло помещичий произвол вплоть до крайних форм изуверства, с другой – приводило к крестьянским волнениям, порче и поджогам барского имущества, внесудебным расправам с землевладельцами, управляющими, приказчиками, старостами и т.д. К сожалению, в настоящее время мы не обладаем всеобъемлющей статистикой по помещикам, подвергшимся именно уголовному преследованию за жестокое обращение с крестьянами. Вот почему важно выявлять и анализировать конкретные факты реакции уездных, губернских и общероссийских властей на случаи девиаций в помещичье-крестьянских взаимоотношениях.

Важно отметить, что в период царствования императора Николая I данные инциденты отнюдь не игнорировались, а в случае огласки пристально рассматривались, особенно в столичных губерниях. Этому положению способствовало издание ряда нормативно-правовых актов. Высочайшие рескрипты от 19 июня и 6 сентября 1826 г. были посвящены отвращению от злоупотребления помещичьей власти. Дополнительно 6 июня 1845 г. вышел циркуляр Санкт-Петербургского гражданского губернатора со ссылкой на циркуляр министра внутренних дел, действительного тайного советника Л. А. Перовского об удержании в повиновении крепостных людей путем употребления «домашних средств исправления по своему усмотрению, но без увечья» [2, л. 11], а 12 сентября 1846 г. последовал циркуляр Министерства внутренних дел о том, что при расследовании злоупотреблений помещичьей власти следует обращать преимущественное внимание на то, были ли они известны уездным предводителям дворянства и какие с их стороны были приняты меры. Дополнительно высочайшим повелением предупреждались об ответственности губернских и уездных предводители дворянства с возможностью занесения выговоров в формулярных список и отдачи под суд уездного предводителя дворянства [2, л. 13–14]. Еще одним циркуляром Санкт-Петербургского гражданского губернатора, тайного советника Н. В. Жуковского от 30 марта 1848 г. губернские и уездные предводители дворянства обязывались вести наблюдение за отношениями крестьян и помещиков и при малейшем нарушении установленного порядка обращать на это внимание и принимать меры во избежание крестьянских волнений [3, л. 2–2 об.].

Характерным примером неформальной реакции властей на помещичьи злоупотребления является дело помещика Лужского уезда Антона Мишагина.

Род Мишагиных относился к «новонаначальному» дворянству, т.е. выслужившему свой статус. Его основателем стал Федор Иович Мишагин (? – 23.12.1823), происходивший из солдатских детей. Он вступил в службу в 1779 г. во флот кают-юнгой. В 1780 г. произведен в унтер-баталеры. В 1782 г. переведен писцом в Адмиралтейств-коллегию. В 1780–1782 гг. был в походах по

Средиземному морю. С 1784 г. копиист. С 1785 г. магазейн-вахтер при магазинах. С 22 декабря 1793 г. комиссар прапорщичьего ранга при госпиталях. Со 2 февраля 1795 г. комиссар поручичьего ранга. С 1796 по 1798 г. находился при госпиталях Лейб-гвардии Преображенского полка. С 12 января 1799 г. комиссар 12-го класса в ластовом комплекте. С 11 декабря 1801 г. отставлен от службы по болезни комиссаром 9-го класса. 10 декабря 1806 г. избран сотенным милиции от дворянства Софийского уезда. 26 мая 1807 г. поступил из полной милиции в служащую и подтвержден пятидесятилетним за казначея и квартирмистра 1-го батальона подвижной милиции. 8 апреля 1808 г. произведен в коллежские ассессоры. 30 июня 1808 г. определен к подписи ассигнаций в помощь кассирам Государственного ассигнационного банка. 7 августа 1808 г. уволен от банковской службы по прошению [4, л. 4–4 об.]. 18 октября 1797 г. в Преображенском соборе в Санкт-Петербурге комиссар полкового госпиталя Федор Мишагин обвенчался с дочерью надворного советника Аграфеной Васильевной Ельчиной (?–14.07.1854) [5, л. 92 об.]. В браке родилось несколько детей, но до взрослого возраста дожили трое: Ирина, Анна и Антон.

Ирина Федоровна Мишагина первым браком была замужем за штабс-капитаном Лейб-гвардии Московского полка Петром Семеновичем Полуграбленовым (Полуграблиным) [6, с. 14–15], а вторым за помещиком Лужского уезда, чиновником 10-го класса Еремеевым (? – до 1876) [7, л. 62; 8, л. 24].

Анна Федоровна Мишагина (1813 – 28.11.1891) вышла замуж за дворянина Бельского уезда Смоленской губернии Илариона Николаевича Скрыдлова (1797/8 – 21.07.1853). Капитан 2-го ранга И.Н. Скрыдлов был весьма героическим морским офицером, удостоенным ордена Св. Владимира 4-й ст. «за спасение до 100 человек в Кронштадте во время наводнения и бури, бывших 7 ноября 1824 г.» и золотой сабли с надписью «За храбрость» за сожжение в 1829 г. турецкого военного корабля у крепости Пендераклии», под командованием капитана 1-го ранга И.С. Скаловского во время Русско-турецкой войны [9, л. 622]. Выйдя в отставку, был директором училищ Архангельской губернии (1834–1838) и директором училищ Псковской губернии (1838–1853). Умер от холеры в чине статского советника [10, л. 1–6]. В семье Скрыдловых родилось несколько детей, включая будущего члена Адмиралтейств-совета, адмирала Николая Илларионовича Скрыдлова (01.04.1844–14.10.1918) [11, с. 215–216].

Единственный сын Антон Федорович Мишагин родился 23 июня 1817 г., а через три дня был крещен в церкви Спаса Нерукотворного образа Господня, что в Лужском уезде в упраздненном Сяберском монастыре. Восприемниками выступали сын помещика усадьбы Пажино, коллежского ассессора Дмитрий Иванович Мормылев и жена помещика Наталья Ипполитовна Мормылева [4, л. 5–5 об.].

Рано лишившись отца, А. Ф. Мишагин по прошению матери был определен в Морской кадетский корпус [12], а затем в Горный кадетский корпус [13], но из-за проблем со здоровьем быстро оттуда выбыл.

Окончив школу гвардейских прапорщиков, А.Ф. Мишагин в службу вступил 16 ноября 1836 г. унтер-офицером Лейб-гвардии Павловский полк. 23 ноября 1836 г. переименован подпрапорщиком. 28 января 1839 г. по экзамену произведен в прапорщик Тобольского пехотного полка (со старшинством с 1 октября 1838 г.). 6 апреля 1840 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам подпоручиком [4, л. 4–4 об.].

Определениями Санкт-Петербургского дворянского депутатского собрания от 13 мая 1844 г., 9 июня 1845 г. и 9 февраля 1846 г. был внесен в 3-ю часть дворянской родословной книги, что было утверждено указом Герольдии от 23 октября 1844 г. № 20787 [14, л. 471–473].

Благодаря капиталу, скопленному отцом, А. Ф. Мишагин совместно с матерью и сестрами владел землей с 300 крестьянами в Пошехонском уезде Ярославской губернии и Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии, деревянным домом по 15-й линии 4-го квартала Васильевской части Санкт-Петербурга и другой недвижимостью [6, с. 14–15]. Несложно предположить, что ранее завершение военной карьеры было связано с буйным характером молодого офицера, что подтверждают дальнейшие события.

Впервые молодой помещик привлек внимание властей в 1845 г., когда представил в Лужский земский суд своего крепостного человека Леонтия Васильева, до того находившегося в бегах и выглядевшего как нищий, и, по словам помещика, на вопрос о своем виде «с дерзостью отвечал, что одежду обязаны давать господа, за что он был им ударен в щеку, но Васильев, схватив со стола нож, замахнулся на него» [15, л. 1–1 об.]. Помещик также сообщал, что крепостной покушался и на жизнь прежней помещицы Екатерины Агапитовой. Однако проведенное следствие показало, что 70-летний Васильев был безжалостно избит своим господином, а обвинение в покушении на жизнь барина ложно. Тем не менее, по недостатку времени служения Лужского уездного предводителя дворянства на своем посту, тот не смог представить в уездный суд каких-либо суждений о помещике Мишагине и его управлении крестьянами [15, л. 2].

Другой эпизод был куда более резонансным и уездные власти не смогли от него отмахнуться. 23 марта 1846 г. Лужский земский суд донес Санкт-Петербургскому гражданскому губернатору о удавившемся дворовом человеке помещика подпоручика Антона Мишагина Тарасе Яковлеве:

«...означенный Тарас Яковлев, состоявший при господском дворе в деревне Стаи, излечившись от болезни, в которой он находился, спустя дня три или четыре, пришел в избу к дворовой женщине Агафье Федоровой и сказал: «Ну, Агафья, теперь, слава Богу, здоров – просил у барина, хлеба, но он не дал, а побил, и обещал ещё бить, – делать нечего, надо поднять на себя руки», а 9 числа марта утром усмотрен на доме Федоровой, высотой от земли 2 ½ саж., повесившимся, по средством веревки, привязанной к потолку дома ...» [4, л. 1–2].

По распоряжению начальства дело расследовалось членом Петербургского губернского правления, надворным советником Карамышевым вместе с подполковником Корпуса жандармов Назимовым. Прибыв на место происшествия,

в присутствии временного отделения Лужского земского суда следователи предполагали допросить 27 человек, из которых, по одобрению помещика, было выбрано 12 свидетелей и по желанию помещика добавлены еще десять. При эксгумации тела погибшего и освидетельствовании трупа врачом лужской городской больницы Лангом в присутствии лужского уездного врача Сухоцкого и самого помещика, выяснилось, что следов избиения на теле не было, а при вскрытии тела было определено, что сам Тарас Яковлев никакими болезнями не страдал и причиной смерти являлось «самовольное повешение».

Свидетели из числа крестьян показали, что умерший неоднократно был строго наказан помещиком, нередко по несколько раз в день и выслушивал «много оскорбительных и неприличных выражений». Крестьяне жаловались на жестокое обращение помещика, постоянных наказаниях палками, розгами и плетью, более других страдали крестьяне: деревни Бередникова Иван Михайлов, «по задним частям тела» которого для усиления наказания был посыпан солью, потом лежал на дороге без чувств и приходил в себя в течение 8 недель, деревни Усадища Семен Иванов и деревни Горненска Акинф Панкратьев, после жестокого наказания розгами первый из них «голыми коленями был поставлен на столб высотой от земли в 2 аршинах со связанными руками и привязанным к изгороди, ибо столб был врыт в землю около самой изгороди, второй же голыми коленями и с связанными назад руками поставлен был на мелкие камни, но по слабости держаться никак не мог, а стоял на земле, каковое наказание продолжалось более двух часов», деревни Горненска Терентий Васильев, Андреян Яковлев, Федор Сергеев, Никита Акинфиев, сверх жестокого наказания розгами были отправлены из деревни Стай на веревке под присмотром старухи через другие деревни на расстояние 14 верст в свою деревню, «где со снятыми портами водили их по деревне при собрании всех поголовно жителей оной», деревни Усадища Савелий Петров был наказан розгами так, что был не в силах добраться домой и был взят женой на телеге, заболел и умер в течение двух недель. Также крестьяне сообщали о жестоких побоях, нанесенных дворовому Леонтию Васильеву. Жаловались на непосильную работу по урокам и жестокие наказания в случае неповиновения, принуждение к работе в ночное время, даже в воскресные и праздничные, взимание оброка в размере 105 руб. в год с тягла, использование их труда при корчевании леса с нормой до четверти десятины с уборкой пней и кореньев, четверти десятины леса, выкапывании 50 сажень канав и требования господина являться на работу в любое время [16, л. 3–6 об.].

Лужский уездный предводитель дворянства Санкт-Петербургскому гражданскому губернатору 31 марта 1846 г., ранее за помещиком подобного обращения с крепостными не водилось, а 21 апреля 1846 г. помещик дал подписку в надлежащем обращении с крестьянами [16, л. 9–9 об., 11]. При этом отставной подпоручик просил 3 мая 1846 г. покровительства со стороны Лужского предводителя дворянства для оказания помощи своей 80-летней матери, оказавшейся после описания имения без средств существования и разрешения ей выезда в Санкт-Петербург. Дополнительно помещик сообщал, что все постройки в имении производились на ее деньги, он получил от матери займы в 1842 г. 21000

руб., которые были вложены в имение и фактически оказались конфискованными [16, л. 17–18]. Сама помещица просила назначить ее опекуной над имением [16, л. 19–20], однако эта просьба была отклонена 11 сентября 1846 г. петербургским гражданским губернатором по ее преклонным годам [16, л. 22] и назначенное 11 мая 1846 г. внешнее опекуное управление осталось в силе [17, л. 1].

Все обвинения в изуверствах были отрицаемы помещиком, который, впрочем, указал на некоторые случаи наказания и на отсутствие на него жалоб от крестьян и дворовых. В свою очередь, мать А. Ф. Мишагина, вдова коллежского асессора Аграфена Васильевна Мишагина обратилась 16 сентября 1846 г. на высочайшее имя о неправомерном назначении опекуного управления на имение, а также неправомерной реквизиции движимого имущества и господского рогатого скота в деревни Стаи [18, л. 1–3 об.]. Поскольку губернские и уездные власти находились под пристальным надзором со стороны императора, из вскрывшегося дела подпоручика А. Ф. Мишагина сделали весьма показательный процесс. Предложением Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора, генерал-адъютанта и генерал-лейтенанта Матвея Евграфовича Храповицкого помещик Мишагин должен был предстать перед уголовным судом, на что в 1846 г. последовало высочайшее соизволение, о чем было доведено до сведения всех уездных предводителей дворянства [17, л. 34; 19, л. 1–1 об.; 20, л. 1–1 об.].

Прошение помещика Мишагина от 21 мая 1846 г. в Санкт-Петербургское дворянское депутатское собрание, в котором он сообщал, что владел имением отца в деревнях Горничной и Бередникове и купил в 1842 г. соседнюю деревню Стаи у помещика Щукина, крестьян которой он обеспечил землей и отрезал земли от своих пустошей, но перевел их с оброка на барщину, было проигнорировано. Не были приняты во внимание обычные формулировки об ослушниках, порицателях, как среди крестьян, так и среди соседних помещиков, а также факты желания крестьян выйти на свободу по примеру наложение опеки на соседнее имение полковника Весселя за жестокое его обращение с крестьянами, жалоба Мишагина на соседнего помещика, графа Люксембурга, который давно покушался на его имение и следил за его управлением крестьянами. Помещик также не смог оправдаться по делу умершего Тараса Яковлева, заявляя, что он был на хорошем счету, находился безотлучно при господине в течение нескольких лет во время армейской службы и все обвинения в доведении дворового до самоубийства ложны, а сама смерть случилась в связи со свирепствовавшей эпидемией тифа [16, л. 10–12 об.].

С 1847 г. подпоручик Мишагин состоял под надзором Лужской городской полиции. Он подал прошение генерал-губернатору отдать его на поруки и тем дать возможность оправдаться перед Санкт-Петербургской уголовной палатой или, на крайний случай, разрешить содержаться в Санкт-Петербургской городской тюрьме, а также подал ходатайство на высочайшее имя о переводе в Отдельный Кавказский корпус [16, л. 18–19 об.].

В начале 1848 г. подпоручик Антон Мишагин обратился с прошением к министру внутренних дел Л. А. Перовскому, в котором жаловался на притеснения со стороны Лужского уездного предводителя дворянства, требовал прекратить

действия опекунского управления, приведшие к изгнанию из имения его матери, а также просил разрешения продать имение [21, л. 1–1 об.].

В ответном отношении предводитель дворянства сообщал, что опекунское управление было назначено и действует в установленном порядке, мать Мишагина никто из имения не выгонял, а она сама выехала к дочери своей в Псковскую губернию по собственному желанию для своего спокойствия. Также предводитель дворянства отрицал обвинения Мишагина в своем бездействии в 1845 г. по случаю неурожая, и отмечал, что движимое имущество помещика поступило в распоряжение его зятя, чиновника 10-го класса Еремеева, посему все обвинения помещика были отвергнуты [21, л. 2–3 об.].

К помещику была применена беспрецедентная мера, определением от 8 марта 1848 г. собрание предводителей и депутатов дворянства отставного подпоручика Мишагина, как «изобличенного в действиях необыкновенной жестокости с своими крестьянами и дворовыми людьми, и тем самым возбудившего справедливое к нему чувство негодования, на основании 120 ст. IX Т. Свода Законов (изд. 1842 г.), постановило исключить из общества Санкт-Петербургского дворянства, пока не оправдается». О содержании этого постановления были уведомлены Санкт-Петербургский гражданский губернатор 19 апреля 1848 г., Санкт-Петербургский губернский прокурор 9 февраля 1849 г. и Департамент Герольдии Правительствующего сената 30 января 1850 г., а «через Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора оно было доведено до Высочайшего Государя Императора сведения» [4, л. 21–22 об.].

Из Луги А. Ф. Мишагин был доставлен в Санкт-Петербургское исправительное заведение по решению Санкт-Петербургского губернского правления от 22 марта 1848 г. сроком на 3 года [22, л. 55]. По окончании срока заключения осужденный должен был быть отдан на год под надзор полиции [22, л. 32]. В связи с заключением он предполагал продать свое имение коллежскому советнику Александру Алексеевичу Бартеневу за 18100 руб. [22, л. 13]. В течение срока заключения подавал жалобы клеветнического характера на чинов исправительного заведения, угрожая им оружием, обличая их в краже 1315 руб., и пр., за буйный нрав и беспокойный характер четырежды подвергался штрафам [22, л. 42–45, 54.]. По окончании срока заключения 21 марта 1851 г. был направлен в Тулу под местный полицейский надзор [22, л. 49, 70–70 об.].

Получив спустя год отказ от возвращения в столичную губернию, А. Ф. Мишагин понял, что его высылка носит бессрочный характер. 25 июля 1852 г. с публичного торга он купил дворовое и огородное место с домом и строением, принадлежавшее мещанину Алексею Хомутильникову, в Туле, 2-й части, 3-м квартале, № 526 за 490 руб. серебром [23, с. 96].

Находясь в Туле, опальный помещик стал фигурантом нескольких судебных дел. 28 марта 1856 г. на него подал в Тульский уездный суд крестьянин князя Юсупова Антон Васильевич Лукьянов за неплатеж 11 руб. серебром за земельные работы в его доме. Рассмотрев дело, суд встал на сторону ответчика, определив, что Лукьянов должен взыскивать деньги с крестьянина Петра Акимовича Грачева,

которому уже была уплачена данная сумма [24, л. 1, 3 об.–4]. 14 января 1857 г. уже сам Мишагин выступал истцом в деле о взыскании с писца 2 разряда Александра Филипповича Щеглова денег по заемному письму 17 руб. 20 коп. серебром [25, л. 1, 6–7].

24 ноября 1860 г. Тульская палата уголовного суда проводила следствие по жалобе титулярного советника Федора Ивановича Любомудрова об обиде его отставным подпоручиком Мишагиным. Рассмотрев дело палата не нашла доказательств по обвинению Мишагина в причинении титулярному советнику Любомудрову и жене его «ругательством обиды» и закрыло дело [26, л. 3–4].

Пребывание в Туле, невозможность вернуться в родные места и управлять своим имением, тягостно сказывалось на душевном состоянии А. Ф. Мишагина. Он пил, играл в карты и наделал большое количество долгов в казенных учреждениях и у частных лиц. Их размер был столь велик, что после кончины в Туле в августе 1862 г. обе сестры А. Ф. Мишагина отказались от вступления в наследования домом и движимым имуществом не желая нести ответственность по долгам [7, л. 5, 67, 99, 144].

Так во втором поколении, во многом бесславно, прервался род дворян Мишагиных. Его последняя представительница, вдова статского советника Анна Федоровна Скрыдлова, умерла 28 ноября 1891 г. от общего воспаления правого легкого. 1 декабря 1891 г. была отпета в церкви Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка в Царском Селе и похоронена на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге [27, л. 352 об.–353]. Тем удивительнее, что это имя было искусственно легендировано её внуком Алексеем Николаевичем Мишагиным-Скрыдловым (1901 – 31.12.1966), который находясь во Франции, написал книгу воспоминаний «Россия белая, Россия красная» (1935). В ней в частности можно найти данную цитату:

«...Уже упомянутый титул князя Мишагина я должен был унаследовать через несколько лет в силу обычая, существовавшего тогда в русских аристократических семьях, от моей бабушки по отцовской линии, которая была последней княжной Мишагиной. Семья эта происходит со Смоленщины; мой дед Скрыдлов, муж княжны, был предводителем дворянства Смоленской губернии. В подобных случаях, чтобы не угасла фамилия, царь специальным указом разрешал передачу титула и фамилии по старшей мужской линии в потомстве последней в роду княжны» [28, с. 7–8].

Это чистой воды фальсификация и мифотворчество мемуариста. Во-первых, Ф. И. Мишагин происходил из «солдатских детей», а во-вторых, И. Н. Скрыдлов никогда не был предводителем дворянства Смоленской губернии.

Искренне ли заблуждался А. Н. Скрыдлов по поводу своего происхождения или сознательно пошёл на подлог, на данный момент установить сложно, но в русской диаспоре, где он занимался исполнением русских романсов, гордо именовался никогда не существовавшим титулом «князя Мишагина» и даже был с ним погребен [29, с. 601].

Любопытно, что в комментариях к дневнику за 1934 г. литератора и композитор Серебряного века М. А. Кузмина Алексей Скрыдлов назван «внебрачным сыном великого князя Алексея Александровича» [30, с. 367]. Сам мемуарист об этом нигде не пишет, но учитывая его склонность к мистификациям нельзя исключать, что в определенный период жизни А. Н. Скрыдлов распространял и подобную «версию» своего происхождения.

Дело подпоручика А. Ф. Мишагина хорошо иллюстрирует искреннюю озабоченность высших властей Российской империи и лично императора Николая I в вопросе пресечения крепостного насилия. Контроль со стороны губернаторов, полицейских властей и предводителей дворянства позволял не замолчать и не игнорировать проблему, а действительно реагировать на конкретные преступления, прежде всего в столичных губерниях. И хотя до отмены крепостного права оставалось полтора десятка лет, верховная власть пыталась наглядно продемонстрировать помещикам невозможность идти по укоренившемуся пути злоупотреблений, бытового насилия и фактической вседозволенности.

Список использованных источников и литературы

1. Долгих А. Н. Жалобы владельческих крестьян и система наказаний помещиков в законодательстве России конца XVIII-первой половины XIX в.: к постановке проблемы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8-3(58). – С. 95-100.

Dolghih A. N. Zhaloby vladel'cheskih krest'yan i sistema nakazaniy pomeschchikov v zakonodatel'stve Rossii konca XVIII-pervoj poloviny XIX v.: k postanovke problemy//Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 8-3(58). – S. 95–100.

2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 536. Оп. 9. Д. 6048.

Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPB). F. 536. Op. 9. D. 6048.

3. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 4. Д. 449.

CGIA SPB. F. 536. Op. 4. D. 449.

4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 10 (1846 г.). Д. 941.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA). F. 1286. Op. 10 (1846 g.). D. 941.

5. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 111. Д. 122.

CGIA SPB. F. 19. Op. 111. D. 122.

6. Объявления к Сенатским ведомостям. – 1835. – 13 августа. – № 65.

Ob'yavleniya k Senatskim vedomostyam. – 1835. – 13 avgusta. – № 65.

7. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 22. Оп. 1. Д. 70.

Gosudarstvennyj arhiv Tul'skoj oblasti (GATO). F. 22. Op. 1. D. 70.

8. РГИА. Ф. 577. Оп. 35. Д. 505.

RGIA. F. 577. Op. 35. D. 505.

9. Русский биографический словарь: Сабанеев-Смыслов / Изд. под набл. председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. – Санкт-Петербург: тип. В. Демакова, 1904. – Т. 18. – 673 с.

Russkij biograficheskij slovar': Sabaneev–Smyslov / Izd. pod nabl. predsedatelya Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva A. A. Polovcova. – Sankt-Peterburg: tip. V. Demakova, 1904. – T. 18. – 673 s.

10. РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 5073.

RGIA. F. 1343. Op. 25. D. 5073.

11. Березовский Н. Ю., Доценко В. Д., Тюрин Б. П. Российский императорский флот. 1696–1917: военно-исторический справочник. – М.: Русский мир, 1993. – 272 с.
Berezovskij N. Yu., Docenko V. D., Tyurin B. P. Rossijskij imperatorskij flot. 1696–1917: voenno-istoricheskij spravochnik. – М.: Russkij mir, 1993. – 272 s.
12. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 432. Оп. 5. Д. 179.
Rossijskij gosudarstvennyj arhiv voenno-morskogo flota (RGAVMF). F. 432. Op. 5. D. 179.
13. ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 4470.
CGIA SPB. F. 963. Op. 1. D. 4470.
14. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 463.
RGIA. F. 1343. Op. 51. D. 463.
15. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2718.
CGIA SPB. F. 536. Op. 9. D. 2718.
16. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 4. Д. 352.
CGIA SPB. F. 536. Op. 4. D. 352.
17. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 7704.
CGIA SPB. F. 536. Op. 9. D. 7704.
18. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 7620.
CGIA SPB. F. 536. Op. 9. D. 7620.
19. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 9620.
CGIA SPB. F. 536. Op. 9. D. 9620.
20. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 6109.
CGIA SPB. F. 536. Op. 9. D. 6109.
21. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. Оп. 9. Д. 7693.
CGIA SPB. F. 536. Op. 9. D. 7693.
22. ЦГИА СПб. Ф. 216. Оп. 1. Д. 1105.
CGIA SPB. F. 216. Op. 1. D. 1105.
23. Санкт-Петербургские сенатские объявления по судебным, распорядительным, полицейским и казенным делам. – 1852. – 25 сентября. – № 77. – Отдел XIII.
Sankt-Peterburgskie senatskie ob"javleniya po sudebnym, rasporyaditel'nym, policejskim i kazennym delam. – 1852. – 25 sentyabrya. – № 77. – Otdel XIII.
24. ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 456.
GATO. F. 22. Op. 1. D. 456.
25. ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 466.
GATO. F. 22. Op. 1. D. 466.
26. ГАТО. Ф. 51. Оп. 28. Д. 446.
GATO. F. 51. Op. 28. D. 446.
27. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 190.
CGIA SPB. F. 19. Op. 128. D. 190.
28. Мишагин-Скрьдлов А.Н. Россия белая, Россия красная. 1903–1927. – М.: Центрполиграф, 2007. – 260 с.
Mishagin-Skrydlov A.N. Rossiya belaya, Rossiya krasnaya. 1903–1927. – М.: Centrpoligraf, 2007. – 260 s.
29. Незабываемые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917-1997 : в 6 т. / Российская гос. б-ка. Отд. лит. рус. зарубежья; сост. В. Н. Чуваков. – Т. 6, кн. 1: Пос-Скр. – Москва: Пашков дом, 2005. – 607 с.
Nezabytye mogily: rossijskoe zarubezh'e: nekrologi 1917-1997 : v 6 t. / Rossijskaja gos. b-ka. Otd. lit. rus. zarubezh'ja; sost. V. N. Chuvakov. – T. 6, kn. 1: Pos-Skr. – Moskva: Pashkov dom, 2005. – 607 s.
30. Кузмин М.А. Дневник 1934 года/под ред., со вступ. ст. и примеч. Г.А. Морева. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998. – 413 с.
Kuzmin M.A. Dnevnik 1934 goda/pod red., so vstup. st. i primech. G.A. Moreva. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Ivana Limbaha, 1998. – 413 s.

Mankov S.A. Mikhailov V. V. The reaction of the authorities to the violence of the landowners in the 1840s on the example of the case of podporuchik A. F. Mishagin

The broad power powers that the landowners had during the period of serfdom often led to abuses and acts of mutual violence in relations between the nobility and peasants. The period of the reign of Nicholas I is characterized by the attempts of the Emperor's personal intervention in the social position of the peasantry and the strengthening of strictness against the landlords, who used cruelty in managing their estates. Using the example of the case of podporuchik Alexei Fedorovich Mishagin (1817–1862), the article examines the reaction of the authorities of the St. Petersburg province to fanaticism against serfs. In the 1840s the sad facts of bullying and cruelty to the dependent population in most cases were not ignored, but entailed a legal assessment by the provincial authorities. Separately, facts from the biography of representatives of the Mishagin family are analyzed and some myths spread by the Russian emigrant and memoirist A. N. Mishagin-Skrydlov.

Keywords: serfdom, nobility, peasantry, suicide, violence, Luga uезд, St. Petersburg governorate, Tula, Russia in the XIX century.